

НА ПОБЕРЕЖЬЕ ТИБА

Г. ЕВГЕНЬЕВ

В ПОСЛЕДНИЕ годы префектура Тиба, расположенная в непосредственной близости от японской столицы, поистине стала Меккой для туристов. Летом по воскресным дням десятки тысяч токийцев устремляются на пляжи Кудзюкурихама, Хота, Кацуяма. Но кончается сезон, исчезают яркие вывески многочисленных ресторанчиков, и после суматошного лета бедные рыбацкие поселки, разбросанные там и сям по побережью, выглядят как-то особенно убого и жалко. И тогда выступает наружу многое из того, что не всегда разглядишь в праздничной суете.

Пляж Кудзюкурихама в погожий сентябрьский день. Широкая песчаная полоса протянулась вдоль

побережья Тихого океана на 66 километров. За полосой песка редкие рощицы сосен, между искривленными стволами которых виднеются строения рыбацкого поселка: серенькие домики с черепичными крышами. Прибрежные воды богаты макрелью, барракудой, сардиной, каракатицей, различными видами съедобных ракушек и прочими обитателями океана. Но удобных гаваней мало. Здесь у берега очень мелко. Можно пройти 100—150 метров, а вода едва доходит до пояса...

К полудню в разных точках побережья начинают собираться кучки рыбаков. Люди напряженно вглядываются в серую даль океана. В основном это старики и пожилые женщины, одетые весьма непри-

язательно. «Платье» иных стариков состоит лишь из набедренной повязки, да и та выполняет свои функции, мягко выражаясь, весьма символически. Женщины, одетые в выцветшие блузы и цветастые трусы, переговариваются отрывисто, грубыми головами.

Внезапно голоса становятся оживленнее и громче: у берега показалось судно, которое все, очевидно, ждали и с которого предстоит сгрузить улов. Женщины, как по команде, сбрасывают блузы и с пронзительными криками бегут по воде, волоча за собой металлический трос. Один конец троса зацеплен за вал лебедки, другой следует прикрепить к судну. Но это не так-то легко: волны мотают суденышко из стороны в сторону, накрывают рыбацек с головой... А тем временем к месту предстоящей выгрузки один за другим подваливают юркие трехколесные грузовички. Это машины скупщиков-оптовиков.

С судна подают сигнал. Старая рыбацка с негнущейся ногой машет в сторону хрупкого деревянного сарайчика, в котором помещается лебедка. Из торчащей оттуда трубы вырываются клубы дыма и языки пламени, сарайчик дрожит, готовый развалиться в любое мгновение, трос натягивается лишь для того, чтобы оборваться через несколько секунд. Это повторяется неоднократно. Скупщики в нетерпении колесят вдоль берега, а многие из них, потеряв всякую надежду, гонят свои трехколески в другие места.

Рыбачки, вероятно, поняли, что, если так будет продолжаться дальше, они растеряют всех покупателей. И вот, похватав большие плетеные корзины, они бегут к судну, а оттуда по двое тащат эти корзины, наполненные рыбой, по воде — этак метров 150 до берега. Все это делается с какой-то лихорадочной поспешностью, будто некто невидимый подгоняет их. Что-то отчаянное чувствуется в облике этих немолодых женщин, в их напряженно озабоченных лицах...

Кое-где суда удаётся вытащить на берег. Они плавно скользят по подставленным на их пути деревянным салазкам. Женщины, образуя живую цепь, выгружают корзинами рыбу и ссыпают ее в расставленные рядком ящики скупщиков. И по мере того как в трюме становится все меньше рыбы, они как-то сникают, пропадает их трудовой задор, а их грубые и резкие голоса делаются все тише.

Машины скупщиков теснее обступают место выгрузки. Сами они голпятя около ящиков с рыбой, тихо переговариваясь друг с другом. Все они кажутся на одно лицо: в легких белых парусиновых брюках и майках-безрукавках, небритые, с маленькими острыми бегающими глазками. Мелкие хищники, у которых каждая жилка дрожит в предвкушении близкой добычи, а также из-за боязни, что конкурент перехватит побольше и подешевле. Приносят стол, доску, на которой пишут мелом, колокольчик. Тут же на берегу начинаются торги. На рыбацек уже никто не обращает внимания. И они, словно чувствуя себя лишними, понуро отходят в сторону.

И вдруг все кончается. Ящики с рыбой грузят на трехколесный грузовичок. Женщины молча подбирают сеть и уносят ее в сторону поселка. Все кругом как-то понурилось и притихло. Только что эти люди были охвачены трудовым энтузиазмом, детской радостью при виде богатого улова. А сейчас, глядя вслед удаляющейся трехколеске, они как будто с предельной ясностью осознали, сколь мизерны плоды их нелегкого труда...

Суровая действительность кажется парадоксом: дары моря являются чуть ли не главным продуктом

питания японцев, а в то же время люди, отвоевывающие их у стихии, составляют, пожалуй, наименее обеспеченный слой населения страны. Ведь закупочные цены на рыбу и другие морские продукты очень низкие, и даже при хорошем улове беднейшие рыбаки с трудом сводят концы с концами.

Многие рыбаки тихоокеанского побережья Тиба выходят в море на утлых суденышках, не оборудованных никакими двигателями. Это так называемые иппондзуру — рыбаки, промышленные одной-единственной удочкой. «Иппондзуру» выходит на лодке в определенное место, где разбрасывает на поверхности воды приманку: измельченную сардину, мелко нарезанные кусочки макрели или же просто нейлоновую резинку. Макрель собирается на эту приманку, и тут уж рыбаку только остается забрасывать удочку. В лучшем случае он может добыть таким образом до 400 килограммов макрели. Но на рынке самая высокая закупочная цена на макрель не достигает и 250 иен за 10 килограммов, а чаще бывает значительно ниже. А если учесть, что «иппондзуру» выходит в море далеко не каждый день, можно представить, сколь незначительны его доходы. «Иппондзуру» — самые бедные рыбаки. Подчас они зарабатывают не более 15 тысяч иен в месяц.

ТОЛЬКО ФАКТЫ

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ТАНКЕР

Спущенный недавно со стапелей Иокосама танкер «Токио-мару» водоизмещением в 150 тысяч тонн является самым большим танкером в мире. Его длина — 306 метров, ширина — 47,5 метра. Мощностью установленного на нем двигателя — 30 тысяч лошадиных сил. Системами автоматического управления громадного судна заведует команда из 29 человек. Танкер построен за 144 дня.

АВТОМОБИЛЬ НА «ЧЕРТОВОМ КОЛЕСЕ»

Насущную проблему больших городов — недостаток места для стоянки автомашин — очень рационально решила японская фирма «Мицукоси». Токийский гараж фирмы похож на вертикально поставленную коробку для кинолент. В «коробке» высотой в 30 метров крутятся 25 гигантских «чертовых колес», похожих на те, что устраивают в городских парках. Только кабины их намного вместительнее — в каждую легко въезжает автомобиль. Владелец машины запоминает номер кабины и отправляется по своим делам, а по возвращении нажимает кнопку, и автомобиль спускается к нему с 30-метровой высоты.

Несколько лучше положение рыбаков, имеющих суда, оснащенные двигателями, или же нанимающихся в экипаж к более крупным рыбопромышленникам. В среднем их ежегодный доход составляет 200—300 тысяч иен. Но и это значительно меньше даже доходов местных крестьян, и, конечно, на такую сумму просуществовать с семьей нелегко.

Рабочий день рыбака, как правило, длится 12 часов. Свой улов он реализует либо прямо на берегу, как описывалось выше, либо же в случае, если он промышляет ночью, доставляет его на местный рыбный рынок, принадлежащий рыболовецкому кооперативу. Кстати, в кооператив объединены все поголовно. Если ты не член кооператива, ты практически не можешь существовать — никто не станет покупать твой улов. Кооператив сбытовой, задача его — повыгоднее организовывать сбыт рыбы. Но выгоду эту получают далеко не все. Ведь в кооператив входят разные люди. Здесь и бедняки «иппондзуру», и рыбаки, не имеющие своих собственных судов, арендующие их у зажиточных лиц, и отнюдь не крупные судовладельцы, нанимающие на свои суда вконец обедневших рыбаков.

В маленькой гавани тихоокеанского побережья Тиба мы увидели одно из таких судов — «Козэй-мару» водоизмещением в 29 тонн. Экипаж его состоит из 25 матросов. Ежегодный доход господина Кобаяси, владельца судна, — 25 миллионов иен. В доме его множество комнат, очень чистых и светлых, с чистыми свежими циновками, телевизор, радиоприемник, телефон. В отдельной пристройке занимаются дети. А почти рядом с апартаментами господина Кобаяси другой дом, темный, пустой, с грязными полуистлевшими циновками, без телефона, без телевизора, под тяжелой соломенной крышей, с маленькой пристроечкой сбоку. Войдя в этот дом, мы не увидели даже традиционного «буцудана» — домашнего буддийского алтаря. Только рядом с поблекшей картиной висел как символ навязанного в свое время казенного патриотизма портрет генерала Ноги, который в этой семье передавался, вероятно, из поколения в поколение. Хозяин дома, сгорбившись, сидел в пристройке и при тусклом свете маленькой электрической лампочки мастерил какую-то снасть. Из комнат выглядывали его маленькие дочки и жена, одетая, как и все женщины в этой местности, в грубые фланелевые брюки и такую же рубашку. В комнатах было пусто, только в дальнем углу в полумраке можно было разглядеть старенькую швейную машину. Хозяин работал, не поднимая головы и не обращая на вошедших никакого внимания.

То был дом одного из работников Кобаяси. Его месячный заработок — 20 тысяч иен. И на это должен существовать семья из шести человек!

Многие из таких беднейших рыбаков подаются на заработки на Хоккайдо, где нанимаются на крупные суда. Некоторые в разгар сельскохозяйственных работ уходят подрабатывать в хозяйства местных зажиточных крестьян. Им приходится работать затари до затари, но зато можно заработать немножко побольше того, что дает море. В последнее время таких отходников становится все больше, особенно из числа «иппондзуру». В прибрежных водах Тиба появились суда крупных компаний, промышляющие сетями. Из-за их деятельности рыбные ресурсы в этих местах начали сокращаться.

Хорошо, если рыбак здоров и еще полон сил. Можно отправиться и на далекий Хоккайдо, и уйти на пару недель в хозяйство зажиточного крестьянина, а в крайнем случае подработать на выжиге древесного угля или же на дорожном строительстве.

ПОДВОДНЫЙ РЫБАК

Первое рыболовное судно, которое может погружаться под воду, построено в японском порту Кобе. «Яомиури го» — так назвали судно — может совершать под водой длительные рейсы без сопровождения надводного корабля-базы. При длине в 14,5 метра, ширине 2,45 метра и водоизмещении в 35 тонн «Яомиури го» способно опускаться на глубину до 300 метров и двигаться со скоростью до четырех километров в час.

КОНТАКТЫ КРЕПНУТ

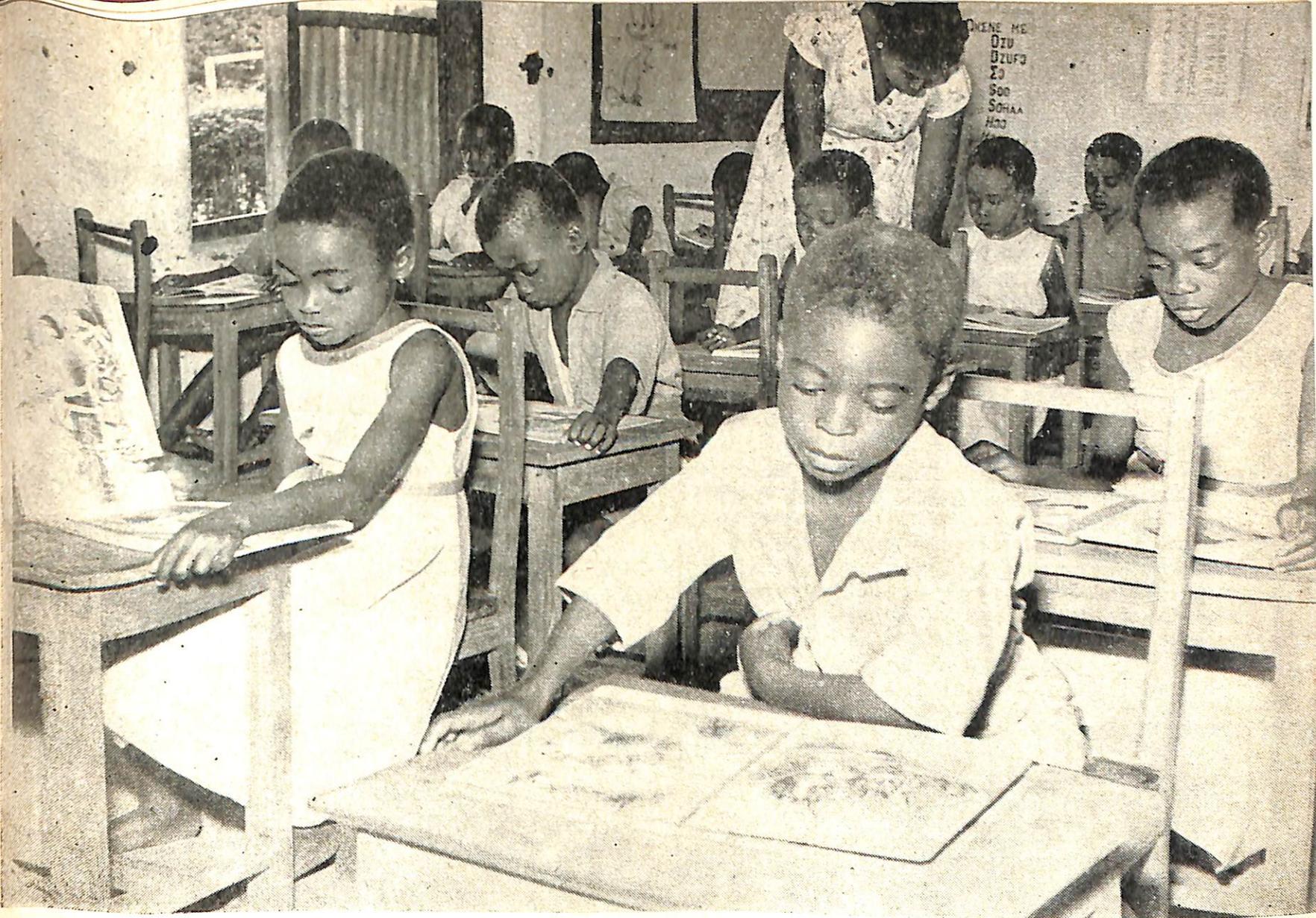
На 100 миллионов долларов, то есть на 26 процентов в сравнении с первой половиной прошлого года, возрос торговый оборот Японии с социалистическими странами за первые шесть месяцев 1965 года.

ЗОЛОТЫЕ ЗАПАСЫ ТАЮТ

Золотые и валютные запасы Японии уменьшились во второй половине 1965 года почти на два миллиарда долларов. Как сообщило японское министерство финансов, только в июле страна потеряла около 30 миллионов долларов.

Но когда приходит старость, все эти источники заработка оказываются недоступными: старые и слабые люди никому не нужны. И тогда, чтобы хоть как-нибудь протянуть оставшиеся дни, человек вновь обращается к морю, суровому и безжалостному, но которое он всю жизнь привык считать кормильцем.

Помню, как-то на Кудзюкурихама меня поразило непонятное зрелище. Какой-то человек, откинувшись назад, точно так же, как это делают спортсмены на водных лыжах, скользил по поверхности океана. Приблизившись, я увидел, что в действительности он движется не вперед, а, упираясь ногами в дно, тянет на себя какую-то палку и таким образом потихоньку пятится назад. То был худой жилистый старик с совершенно коричневым лицом, испещренным глубокими морщинами. Я спросил его, чем он занимается. В ответ старик поднял палку, на конце которой была прикреплена плоская металлическая корзина; нижний край ее кончался самыми обыкновенными граблями. Таща на себе палку, старик взрывал граблями песок, который вместе с ракушками попадал в корзину. Песок просеивался сквозь ее ячейки, а ракушки оставались. Старик высыпал их в сетку, привешенную к поясу, и вновь принимался за свое дело. Ракушек было немного, большинство — очень мелкие. Чаще всего такие ракушки используют для приготовления похлебки «мисосиро». Подобные блюда стоят весьма дешево. Как же мало должны платить старику за этот урожай океанского дна, собираемый им с таким трудом!

Наглядность — один из принципов методики преподавания, принятых в начальной школе Ганы. Юные ганцы изучают во время экскурсий флору и фауну своей родины, а потом в школе рисуют, самостоятельно создавая целые альбомы иллюстраций к урокам (фото вверху).

Правительство Ганы разработало мероприятия по перестройке структуры национальной экономики, изуродованной колонизаторами. За последние годы в республике создано несколько государственных сельскохозяйственных станций. Они ведут экспериментальную работу. Молодежь получает на станциях навыки культурного ведения сельского хозяйства.

На снимке справа: молодые рабочие государственной сельскохозяйственной станции в Покоасе.

Фото А. Иванова (фотохроника ТАСС)

